

ЖАРКОЕ БАБЫ ФИРЫ

1

Ни в одном другом районе Киева дворы – вернее, дворики – не играли столь важную роль, как на Подоле. В них не было каменного снобизма печерских дворов, где люди при встрече едва здоровались друг с другом, или панельного равнодушия новостроек, где человеческое общение прижималось лавочками к разрозненным подъездам. Подольские дворики были уютными, шумными, пыльными и бесконечно живыми.

Среди них имелись свои аристократы, расположившиеся между Почтовой и Контрактовой (на ту пору Красной) площадью. От Контрактовой площади до Нижнего Вала разместился средний класс коммунальных квартир с туалетом и ванной; а уж за Нижним Валом начинался настоящий Подол, непрезентабельный, чумазый и веселый. Здесь не было коммуналок, квартирки были маленькими, а так называемые удобства находились во дворе. Удобства эти с их неистребимой вонью и вечно шмыгающими крысами были до того неудобны, что люди предпочитали делать свои дела в ведро, бегом выносить его в отхожее место и бегом же возвращаться обратно. По-человечески, особенно с точки зрения нынешних времен, это было унижительно, но в то время люди были менее взыскательны, зато более жизнерадостны и простодушны.

В одном из таких обычных двориков на Константиновской улице проживала самая обыкновенная семья с ничем не примечательной фамилией Вайнштейн. Впрочем, старейшая в семействе, Эсфирь Ароновна, которую весь двор звал бабой Фирой, носила фамилию Гольц, о чём напоминала по три раза на дню и категорически просила не путать её со „всякими Вайнштейнами”. В этом проявлялось непреклонное отношение бабы Фиры к зятю Нёме, мужу её единственной дочери, которого она в минуты нежности называла „наш адиёт”, а в остальное время по-разному.

Бог сотворил бабу Фиру худенькой и миниатюрной, наделив её при этом зычным, как иерихонская труба, голосом и бешеным, как буря в пустыне, напором. Она с удовольствием выслушивала чужое мнение, чтобы в следующую же секунду оставить от собеседника воспоминание о мокром месте. Особую щедрость проявляла она к своему зятю, о котором сообщала всем подряд: „Нёма у нас обойщик по профессии и поц по призванию”.

– Мама, – нервным басом пенял ей огромный, но добродушный Нема, – что вы меня перед людьми позорите?

– Я его позорю! – всплеснув руками, восклицала баба Фира. – Этот человек думает, что его можно ещё как-то опозорить! Нёмочка, если б я пошла в райсо-бес и сказала, кто у меня зять, мне бы тут же дали путёвку в санаторий.

– Знаете что, мама, – вздыхал Нема, – я таки от вас устал. Вы с вашим характером самого Господа Бога в Судный День переспорите.

– Нёма, ты адиёт, – отвечала баба Фира. – Что вдруг Он будет со мной спорить? Он таки, наверное, умней, чем ты.

2

Бабы Фирына любовь к зятю произошла с первого взгляда, когда её дочь Софа привела будущего мужа в дом.

– Софа, – сказала баба Фира, – я не спрашиваю, где твои мозги. Тут ты пошла в своего а цедрейтер папу, земля ему пухом. Но где твои глаза? Твой отец был тот ещё умник, но таки красавец. Там было на что посмотреть и за что подержаться. И, имея такого папу, ты приводишь домой этот нахес с большой дороги? Что это за шлымазл?

– Это Нёма, мамочка, – пропищала Софа.

– Я так и думала, – горестно кивнула баба Фира. – Поздравьте меня, люди! Это Нёма! Других сокровищ в Киеве не осталось. Всех приличных людей расхватали, а нам достался Нёма.

– Мама, вы ж меня совсем не знаете, – обиженно пробасил Нёма.

– Так я нивроку жила и радовалась, что не знаю. А теперь я таки вижу, что её покойный отец был умнее меня, раз не дожил до такого счастья. И не надо мне мамкать. Ещё раз скажешь мне до свадьбы „мама”, так я таки устрою такой гвалт, что весь Подол сбежится.

Впрочем, когда у Софы с Немой родился сын, баба Фира простила дочери её выбор. Новорожденного внука Женю она обожала, баловала, как могла, и ласково звала Еничкой.

– Сейчас Еничка будет мыть ручки..., сейчас Еничка будет кушать..., сейчас Еничка сходит на горшочек...

– Мама, перестаньте над ним мурлыкать, – недовольно басил Нёма. – Он же мальчик, из него же должен расти мужчина!

– Из тебя уже выросло кое-что, – огрызалась баба Фира. – Моим врагам таких мужчин. Иди, вынеси еничкин горшок.

Нёма вздыхал, покорно брал горшок и молча выходил с ним во двор. Двор был невелик, сжат полукольцом двухэтажных развалюх, посреди него росла высокая липа, под нею изогнулся водопроводный кран, из которого жильцы носили домой воду, а в тени липы разместился столик, за которым по обыкновению си-

дели пожилой сапожник Лёва Кац и грузчик Вася Диденко, ещё трезвый, но уже предвкушающий.

– Шо, Нёмка, дает тёща прыкурить? – сочувственно спрашивал Вася.

Нёма лишь безнадежно махал рукой, а из окна второго этажа высовывалась растрёпанная голова бабы Фиры.

– Я таки сейчас всем дам прикурить! – сообщала голова. – Сейчас тут всем будет мало места! Нёма, что ты застыл с этим горшком? Забыл, куда с ним гулять? А ты, Вася, не морочь ему голову и не делай мне инфаркт.

– Та я шо ж, баба Фира, – смущался Вася, – я ж так, по-соседски...

– Ты ему ещё налей по-соседски, – ядовито замечала баба Фира, – а то Нёме скучно с остатками мозгов.

– Фира, – миролюбиво вмешивался пожилой сапожник Кац, – что ты чипляешься к людям, как нищий с Межигорской улицы? Дай им жить спокойно.

– Лёва, если ты сапожник, так стучи по каблукам, а не по моим нервам, – отрезала баба Фира. – Нёма, ты ещё долго будешь там стоять с этим горшком? Что ты в нём такого интересного нашёл, что не можешь с ним расстаться?

Нёма вздыхал и отправлялся с горшком по назначению, а Вася крутил головой и говорил:

– Хорошая вы женщина, баба Фира, а токо ж повезло мне, шо нэ я ваш зять.

– Ты таки прав, Вася, – кивала баба Фира. – Тебе таки крупно повезло. А то б ты у меня уже имел бледный вид.

Вася был в чём-то похож на Нёму – такой же огромный и, в общем-то, незлобивый. Пять дней в неделю он был мил и приветлив со всеми и заискивающе нежен со своей женой Раисой. Но в пятницу с последними крохами рабочего дня что-то в нём начинало свербеть, и он, распив с коллегами-грузчиками парочку законных поллитровок, возвращался домой, и тогда тихий дворик оглашался звериным рёвом и бешеной руганью. Вася с налитыми кровью глазами и какой-нибудь тяжестью в руках гонялся за женой Раисой, а та, истошно вопя, бегала от него кругами.

– Падла, подстилка, деньги давай! – ревел Вася.

– Ой, люди, ой, спасите, убивают! – причитала на бегу Раиса.

Соседи, привыкшие к этим сценам, неторопливо высовывались из окон.

– Вася, что ты за ней носишься, как петух за курицей, – с упрёком замечал сапожник Кац. – Вам непременно нужно устраивать эти игры на публике?

– Молчите, Лев Исакович, нэ злите меня, – пыхтел Вася, – а то я ей так дам, шо вам всем стыдно станэ.

Во дворике, как и на всём Подоле, русские, украинцы и евреи на удивление мирно уживались друг с другом, и Лёва мог урезонивать Васю без риска услышать в ответ кое-что интересное про свою морду. Но утихомирить разбушевавшегося грузчика умела лишь баба Фира. Выждав необходимую паузу, она, словно долгожданная прима, высывалась, наконец, из окна и роняла своим зычным голосом:

– Рая, у тебя совесть есть? Почему твой муж должен за тобой гоняться? Если ты его так измотаешь с вечера, что из него ночью будет за мужчина?

– От умная женщина! – задыхаясь, восторгался Вася. – Слышишь, гадюка, шо тебе баба Фира говорит?

– А ты молчи, цедрейтер коп! – напускалась на него баба Фира. – Совсем стыд потерял! Нет, мой покойный Зяма тоже был не ангел, но если б он взял моду каждые выходные устраивать такие скачки, так он бы уже летел отсюда до Куренёвки.

Наутро Вася с виноватым видом появлялся в квартире Вайнштейнов-Гольцев.

– Баба Фира, – потупив глаза, бормотал он, – вам починыты ничего не надо?

– Васенька, ну что за вопросы, – отвечала баба Фира. – Ты что, забыл какое сокровище здесь живёт? Нёма умеет только обивать чужие двери, а дома руки у него начинают вдруг расти из другого места, и он не может забить ими гвоздь.

– Мама, прекратите уже эти разговоры, – раздавался из комнаты голос Нёмы. – Имею я в субботу право на законный отдых? Сам Господь Бог...

– Он вдруг о Боге вспомнил! – качала головой баба Фира. – Нёма, почему ты вспоминаешь о Боге, только когда в субботу нужно что-то сделать? Если бы люди поступали по-божески остальные шесть дней в неделю, мы бы таки уже имели немножечко другой мир.

Нема мычал из комнаты, что с него и этого мира хватит, а Вася тем временем чинил замок или проводку, или привинчивал дверцу буфета – руки у него были золотые, и он охотно и бескорыстно помогал соседям по хозяйству. Вернее, почти бескорыстно.

– Баба Фира... – начинал он, но та немедленно перебивала его: „Учти, Вася, – только румку”.

– Баба Фира, – Вася корчил жалобную физиономию, – вы ж посмотрите на меня. Мэни ж та рюмка – шо дуля горобцю.

– А вечером мы снова будем иметь концерт?

– От слово даю – нияких концертов. Шоб мэни здохнуть.

– Ох, Вася, – вздыхала баба Фира, – ты таки играешь на моём добром сердце.

Она доставала из буфета бутылку водки и стакан, наполняла его наполовину и протягивала Васе:

– Всё. Больше не проси, не дам.

– Так я шо... я... спасибо.

Вася выпивал свою опохмелочную порцию и спешил на помощь к другим соседям, а час спустя заявлялась его жена Раиса и скороговоркою пеняла:

– Баба Фира, вы шо, с ума сдурели? Вы ж знаете, шо Васе пить нельзя. С какого перепугу вы ему водки налили?

– Я, Раечка, с ума не сдурела, – невозмутимо отвечала баба Фира. – Что я Васю не знаю? Он же всё равно найдет где выпить. Пусть хотя бы пьёт в приличном месте.

– Он же ж казыться от водки, – жалобно говорила Раиса.

– Тебе ещё нивроку повезло, – вздыхала баба Фира. – Наш Нёма казыться без всякой водки. Как думаешь, Раечка, может, Нёме нужно дать как следует напиться, чтоб ему клин клином вышибло?

3

Сейчас удивительно вспоминать о том, с каким теплом и участием относились друг к другу эти очень разные и совсем небогатые люди, сведённые судьбой в одном подольском дворике, затерявшемся посреди огромного города и ещё более огромной вселенной. Вася за рюмку водки – да и без неё тоже – чинил соседям замки, проводку и мебель, сапожник Лева Кац бесплатно ремонтировал их детям обувь, Раиса угощала всех варениками с творогом и вишнями, а когда баба Фира готовила жаркое, весь двор вытягивал носы в сторону второго этажа и как бы ненароком наведывался в гости. Угощать друг друга, собираться у кого-нибудь вместе было неписанной, но священной традицией.

– Ой, баба Фира, – щебетала хорошенькая, незамужняя учительница музыки Кира Самойловна Цейтлина, постучавшись к соседям в дверь, и смущённо пе-

реминаясь на пороге, – вы извините, я на одну секундочку. У вас спичек не будет? Я как раз собиралась варить суп...

– Кира, что ты мне рассказываешь бобес майсес про какой-то суп, – усмехалась баба Фира. – Слава Богу, весь Подол знает, что ты за повар. Проходи в комнату, мы сейчас будем обедать.

– Нет, ну что вы, – пунцовела Кира Самойловна. – Неудобно как-то...

– Кира, не строй нам из себя Индиру Ганди. Сделай вид, что ты помыла руки и садись уже за стол.

– Но...

– Кира, нам неинтересно тебя ждать. Еничке давно пора кушать, поимей совесть к ребёнку.

Кира якобы с неохотой сдавалась и позволяла усадить себя за стол, за которым уже сидели Софа, Нёма и маленький Еничка, а баба Фира черпаком раскладывала по тарелкам жаркое. Аромат тушёного мяса заполнял комнату и просачивался сквозь неплотно закрытое окно, сводя с ума весь дворик.

– И как вы только готовите такое чудо, – мурлыкала с набитым ртом учительница музыки.

– Мясо, лук, соль, перец и немного воды, – с удовольствием объясняла баба Фира.

– И всё?

– А что тебе ещё надо? У Бога таки вообще ничего не было кроме воды, когда Он создавал этот мир.

– Оно и видно, – буркал Нёма, отправляя в рот несколько кусков мяса.

– Да, но Он таки не мог предвидеть, что вся Его вода стукнет в одну единственную голову, – косилась на зятя баба Фира. – Не обращай на него внимания, Кирочка. Ты же видишь – когда Бог раздавал мозги, Нёма был в командировке.

– Мама, – раскрывала рот обычно молчаливая Софа, – перестаньте уже терзать Нёму при посторонних.

– Софа! – баба Фира багровела и повышала голос. – Ты думай иногда, что говоришь! В нашем дворе не может быть посторонних. Тут слишком хорошая слышимость. Кирочка, я тебя умоляю, возьми ещё жаркого.

– Нет-нет, баба Фира, что вы, – в свою очередь заливалась краской Кира. – Я... я не могу, мне... Мне пора. Спасибо вам огромное.

И она поспешно удалялась.

– Софа, – загробным голосом произносила баба Фира, – твой цедрейтер папа, земля ему пухом, тоже умел ляпнуть что-то особенно к месту, но ты таки его превзошла. Он бы тобой гордился.

– Перестань, мама, – нервно отмахивалась Софа. – Подумаешь, учительница музыки...

Присутствие Киры Самойловны выводило Софу из себя. Она была уверена, что незамужняя соседка имеет виды на её Нёму, и всякий раз норовила обронить какое-нибудь едкое замечание в её адрес.

– Софонька, детонька, – сочувственно вздыхала баба Фира, – зачем эти нервы? Ну, посмотри ж ты на своё сокровище разутыми глазами – кому оно ещё сдалось кроме такой дуры, как ты?

– Я вас тоже люблю, мама, – басил Нёма в ответ.

– Тебе сказать, где я видела твою любовь и какого цвета на ней была обувь? – поворачивалась баба Фира к зятю.

– Скажите, – с готовностью отзывался тот.

– Чтоб моим врагам, – поднимала глаза к потолку баба Фира, – досталось такое...

– Да? – с улыбкой глядел на неё Нёма. – Мама, ну что ж вы замолчали на самом интересном месте?

Баба Фира бросала на зятя убийственный взгляд и прошептала: „Готеню зиссер” выходила во двор.

4

Как-то раз, после одного из визитов Киры Самойловны, которая обыкновенную яичницу умела приготовить так, что приходилось вызывать пожарную команду, баба Фира, закрыв за гостьей дверь, с таинственным видом вернулась в комнату, поглядела на Еничку, затем на дочь с зятем и несколько раз удрученно покачала головой.

– Что вы так смотрите, мама? – лениво поинтересовался Нёма. – Вам неймётся сделать нам важное сообщение?

– Хочется вас спросить, – полным сарказма голосом произнесла баба Фира, – кто-нибудь в этом доме заметил, что Еничке уже исполнилось пять лет?

– И это вся ваша сногшибательная новость, мама?

– Помолчи, адиёт! Вы мне лучше объясните, почему ребёнок до сих пор не играет на музыке? Почему у него нет инструмента?

– А с какой такой радости у него должен быть инструмент?

– Софа, – строго молвила баба Фира, – закрой своему сокровищу рот. У меня таки уши не железные. Когда у еврейского ребёнка нет инструмента, из него вырастает бандит. – Еничка, хаес, – ласково обратилась она к внуку, – ты хочешь играть на пианино?

– Хочу, – ответил Еничка.

– Вот видите, ребёнок хочет! – ликующе провозгласила баба Фира.

– Мама, вы его не так спрашиваете, – вмешался Нёма. – Еня, ты хочешь вырасти бандитом?

– Хочу, – ответил Еня.

– Вот видите, мама, – усмехнулся Нёма, – нормальный еврейский ребёнок, он хочет всего и сразу. Еня, ты хочешь ремня?

Еня подумал и заплакал.

– Ты таки поц, Нёма, – заявила баба Фира. – Что ты делаешь ребёнку нервы? Тебе жалко купить ему пару клавиш?

– А оно нам надо? Вам что, мама, надоело мирно жить с соседями?

– А что соседи?

– И вы ещё говорите, что я поц! Они таки вам скажут спасибо и за Еню, и за пианино! Холера занесла сюда эту Цейтлину!

– Софа, – повернулась к дочери баба Фира, – скажи что-нибудь своему йолду.

– Мама, – устало ответила та, – оставь Нёму в покое!

– Софочка, если твоя мама оставит меня в покое, ей станет кисло жить на свете.

– Ты слышишь, как он разговаривает с твоей матерью?

– Нёма, оставь в покое маму!

– Так я её должен оставить в покое или она меня?

– Меня оставьте в покое! Оба! У меня уже сил никаких от вас нет!

Софа не выдержала и расплакалась. Маленький Еня с интересом посмотрел на маму и на всякий случай завыл по новой.

– Вот видишь, Нёма, – сказала баба Фира, – до чего ты своей скупостью довёл всю семью.

– Я довёл?!

– Не начинай опять. Так ты купишь ребёнку пианино?

– Хоть целый оркестр!

– Хочу оркестр, – сказал Еня, перестав выть.

– Еня, я тебе сейчас оторву уши. Хочешь, чтоб я тебе оторвал уши?

Еня снова сморщил физиономию, готовясь зареветь.

– Тебе обязательно надо доводить ребёнка до слез? – гневно поинтересовалась баба Фира.

– Мама, – проговорил Нёма, сдаваясь, – вы на секундочку представляете, что скажут соседи?

– Соседи, – уверенно заявила баба Фира, – скажут спасибо, что мы не купили Еничке трубу.

Она нежно прижала к себе внука и поцеловала его в лоб. Еничка посмотрел на бабушку, затем на родителей и сказал:

– Хочу трубу.

5

Еничке купили пианино, и относительно мирный доселе дворик превратился в сумасшедший дом на открытом воздухе. Уже в девять часов утра звучал иерихонский глас бабы Фиры:

– Еничка, пора играть музыку!

Минут десять после этого слышны были уговоры, визги, угрозы, затем раздавался еничкин рёв, и наконец дворик оглашали раскаты гамм, сопровождаемые комментариями бабы Фиры:

– Еничка, тыкать пальцем надо плавно и с чувством!.. Нет, у этого ребёнка таки есть талант!.. Не смей плевать на клавиши, мешигинер коп!.. Еничка, чтоб ты был здоров, я тебя сейчас убью!.. Ах, ты умничка, ах, ты хаес... Сделай так, чтоб мы не краснели вечером перед Кирой Самойловной.

Кира Самойловна лично взялась обучать Еничку. Денег за уроки она не брала, но всякий раз после занятия оставалась ужинать.

– У мальчика абсолютный слух, – говорила она, потупив глаза и пережёвывая бабы Фирино жаркое.

– Если б у него был абсолютный слух, – отзывался Нёма, – он бы одной рукой играл, а другой затыкал уши.

– Нёма, тебе обязательно нужно вставить какое-нибудь умное слово, чтоб все видели, какой ты йолд? – рычала баба Фира. – Ты слышишь, что говорит Кира Самойловна?

– Я-то слышу, – отвечал Нёма, – У меня-то как раз слух в порядке. Я даже слышу, чего она не говорит.

И он с усмешкой глядел на Киру Самойловну, которая немедленно заливалась краской.

Соседи по двору по-разному отреагировали на появление у Вайнштейнов-Гольцев пианино. Вася, к примеру, продолжая напиваться по пятницам, беготню за женой прекратил.

– Я так думаю, шо хватит нам во дворе одного артиста, – объяснял он.

– Як по мне, так лучше б вже ты за мною с топором гонялся, – вздыхала Раиса.

Сапожник Лёва Кац из деликатности помалкивал, но когда Еничка дошёл до детской пьески Моцарта, не удержавшись, заметил:

– Фира, может, твоему внуку стать артиллеристом?

– Что вдруг? – подозрительно осведомилась баба Фира.

– Эффект тот же, а ворочаться в гробу некому.

Баба Фира смерила сапожника испепеляющим взглядом.

– Ты, Лёва, своим молотком себе весь слух отстучал, – заявила она и направилась к дому.

– Нёма, – сказала она, войдя в квартиру, – у меня есть для тебя интересная новость. Ты не такой адиет, как я думала.

– Мама, а вы не заболели? – обеспокоено спросил Нёма.

– Я таки нет. А вот наши соседи, по большой видимости, да. Ты подумай, им не нравится, как наш Еничка играет музыку.

Нёма молча развел руками.

– Не делай мне таких жестов, ты не на сцене, – строго молвила баба Фира.
– Нёма, нам нужно ссориться с соседями?

– Нет, – быстро ответил Нема.

– Но нам же нужно, чтоб мальчик имел музыкальное образование?

– Нет, – ответил Нёма ещё быстрее.

– Нёма, я сказала, что ты не адиёт и уже жалею об этом. Конечно, нам нужно, чтобы Еничка мог дальше играть свою музыку.

– Мама, – нервно проговорил Нёма, – не морочьте мне голову, говорите уже, чего вы хотите.

– Я хочу, – объяснила баба Фира, – чтоб волки получили свой нахес, а овцы сохранили свой тухес. Надо устроить соседям приятный сурприз.

– Мы им уже устроили сурприз, когда купили Еньке пианино.

– Так они ж таки его не оценили. Вот что, Нёма, мы сделаем а гройсер йонтеф и всех на него пригласим.

– Кого это всех?

– Весь двор. Я приготовлю моё жаркое и зафарширую рыбу, Софа сделает селёдку под шубой и салаты, ты купишь водку и вино...

– Мама, – сказал Нёма, – вы на минуточку представляете, во что нам обойдётся это счастье?

– Нёма, не будь жлобом, – ответила баба Фира. – Ты что, имеешь плохие деньги с обитых дверей?

- Так я за них таки работаю, как лошадь!
- А теперь отдохнёшь на них, как человек. Тебе что, деньги дороже соседей?

- Знаете что, мама, – вздохнул Нёма, – чтоб я так жил, как с вами соскучишься. Большое вам спасибо, что мы не купили Ене трубу. А то бы мы имели в гости весь квартал.

6

В субботний вечер маленькая квартирка Вайнштейнов-Гольцев трещала по швам, а стол ломился от яств. Гости ели салаты, рыбу, жаркое, пили вино и водку, галдели, смеялись, пели. Пели „Бублички”, пели „Ло мир але”, пели „Галю” и „Ямщика”. Три языка сливались в один всеобщий настрой, создавая не какую-то дикую и бессмысленную какофонию, а удивительную гармонию, когда инструменты, каждый звуча на свой лад, не мешают, а помогают друг другу творить единую музыку.

Сапожник Лёва Кац, расчувствовавшись, предложил даже, чтобы Еничка сыграл что-нибудь на своем „комоде с клавишами”, но ему тут же налили водки и успокоили.

Гвоздём пира, как всегда, было бабы Фирино жаркое.

– Не, баба Фира, – горланила раскрасневшаяся от вина Раиса, – вы мэни такы должны дать рецепт.

– Мясо, лук, перец, соль и немного воды, – заучено отрапортовала баба Фира.

– Ох, ягодка моя, – покачала головой Раиса, – ох, не верю я вам! Шо то вы такое ещё туда кладете.

– А гиц ин паровоз я туда кладу! – разозлилась баба Фира. – Нужно готовить с любовью, тогда люди будут кушать с аппетитом.

– Не, баба Фира, вы, наверно, хочэте рецепт с собой в могылу унести, – с обидой в голосе и присущей ей тактичностью предположила Раиса.

– Рая, ты таки дура, – покачала головой баба Фира. – Кому и что я буду в этой могиле готовить? Там, чтоб ты не сомневалась, уже не мы будем есть, а нас.

– Баба Фира, та простить вы её, дуру, – вмешался Вася. – Нёмка, пойдём у двор, подымим.

Они вышли во двор и сели за столик под медвяно пахнущей липой, сквозь листву которой проглядывало ночное июньское небо в серебристых крапинках звёзд.

– От же ж красота, – задумчиво проговорил Вася, подкуривая папиросу. – Нёмка, а як по-еврэйски небо?

– Гимел, – подумав, ответил Нёма. – Тоже ничего, – кивнул Вася. – Нёмка, а як ты думаешь, там, – он ткнул указательным пальцем вверх, – есть хто-нибудь?

– Николаев и Севостьянов, – вновь подумав, ответил Нёма.

– Кто?

– Космонавты. Вторую неделю на своей орбите крутятся.

– Ты шо, дурной? Я ж тебя про другое спрашиваю.

– А про другое я не знаю.

– От то ж и плохо, шо мы ничего нэ знаем. – Вася вздохнул. – Нёмка, а если там, шо бы хто нэ говорыл, есть Бог, то он якой – православный или еврэйский?

– Вообще-то, Вася, – почесал голову Нёма, – если Бог создал человека по своему образу и подобию, так Он таки может быть и негром, и китайцем, и женщиной.

Вася, чуть не протрезвев, ошарашено глянул на Нёму.

– Знаешь шо, Нёмка, – сказал он, – тоби пыты неможна. Цэ ж додуматься такое надо – Бог-китаец!

– А что, – пожал плечами Нёма, – их много.

– О! – ликующе провозгласил Вася. – То-то и оно. Нэ може Бог буты китайцем. Их много, а Он – один.

– Вася, – Нёма шмыгнул носом, – ты гений и вус ин дер курт. Дай я тебя поцелую.

Он чмокнул Васю в щёку, слегка пошатнулся и чуть не опрокинул их обоих со скамьи на пыльный асфальт.

– Дэржись, Нёмка, дэржись, – ухватил его за рукав Вася. – О, то я знову правильно сказав! Дэржаться нам всем надо друг за друга. Вместе дэржаться. Хорошо ж такы, шо мы все в одном дворе живём. Надо дэржаться.

– Да. – Нема выпрямился и вздохнул. – Надо, Вася. А только ты мне скажи как умный человек...

– Где? – удивился Вася. – Кто?

– Ну, ты же, ты. Так ты мне таки скажи как умный человек: почему в жизни надо одно, а получается совсем другое?

– Ой, Нёмка, я в этих еврейских вопросах нэ розбыраюсь.

– Почему еврейских?

– Так то ж ваша привычка морочить себе и другим голову. Не, Нёмка, ты токо на мэнэ нэ ображайся. Це ж нормально. Нехай еврэи будут еврэями, русские русскими, а украинци украинцями. Ну и будэмо жить себе вместе и нияких претэнзий. Воно нам надо? Мы ж тут на Подоле як той винегрет перемешались. А токо ж винегрет тем и хороший, шо он нэ каша. Тут огурчик, тут картопля, тут буряк. А вместе вкусно.

– Вкусно, – согласился Нема. – Знаешь, Вася, я ещё никому не говорил, даже своим... Мы же ордер получили.

– Шо? – не понял Вася. – Який ордер? З прокуратуры? А шо вы такое на-творили?

– Да не с прокуратуры. На квартиру ордер. Квартиру нам дают, новую, на Отрадном.

– Та-ак, – Вася с шумом выпустил воздух. – От и подержались вместе. Ладно, Нёмка, поздно уже. Пойду забэру Райку и – у люльку.

– Ты что, Вася, обиделся?

– Чого мени обижаться... Спаты пора.

7

На следующее утро весь двор только и галдел о том, что Вайнштейны-Гольцы получили ордер и переезжают в „настоящие хоромы” на Отрадном. Более остальных известие это возмутило бабу Фиру.

– Нёма, – сказала она, – что это за поцоватые фокусы? Почему я должна узнавать о себе новости от соседей?

Небось, Цейтлиной своей первой сообщил, – вставила Софа.

– Софа, – устало проговорил Нёма, – что тебе Цейтлина спать не даёт?

– Это тебе она спать не даёт, – огрызнулась Софа. – Ну, ничего, даст Бог переедем, и ты таки её уже не скоро увидишь.

– Я так понимаю, моё мнение в этом доме уже никого не волнует, – заметила баба Фира. – И очень напрасно. Потому что лично я никуда не еду.

– Что значит, никуда не едете? – не понял Нёма.

– Мама, ты что, с ума сошла? – вскинула брови Софа.

– Я таки ещё не сошла с ума, – торжественно объявила баба Фира. – Я таки ещё имею чем соображать. Я здесь родилась, я здесь выросла, я здесь прожила всю свою жизнь. Почему я должна умирать в другом месте?

– Что вдруг умирать? – пожал плечами Нёма. – Живите сто лет.

– Я уже живу сто лет и больше, – вздохнула баба Фира. – С тобою, Нёма, год идет за 20.

– Ну, так живите себе две тысячи! Вы ж поймите, мама, это же новая квартира, с удобствами, с ванной, с туалетом...

– Что ты меня так хочешь обрадовать этим туалетом? Что я уже, такая старая, что не могу сходить в ведро?

– О, Господи! – запрокинул голову Нёма. – Мама, если Бог дал вам столько ума, что вы не хотите думать о себе, так подумайте хоть о Еничке. Он что, тоже должен всю жизнь ходить в ведро? Ведь этот дом всё равно снесут.

– Только через мой труп! – заявила баба Фира.

– Мама, – простонал Нёма, – кого вы хотите напугать вашим трупом? Если им скажут снести дом, они наплюют на ваш труп и снесут его.

– Ты таки уже плюешь на мой труп, – отчеканила баба Фира и решительно вышла из комнаты.

С тех пор она каждое утро сообщала, что никуда не едет, что нужно быть сумасшедшим на всю голову, чтобы на старости лет отправляться на край света, что этой ночью ей снился покойный Зяма и что скоро она попадёт к нему.

– Мама, погодите огорчать Зяму, – уговаривал её Нёма. – Давайте сначала переедем на новую квартиру, а там уже будем морочить друг другу голову.

Отношения с соседями по двору как-то быстро и некрасиво испортились. Те отказывались верить, что баба Фира ничего не знала о грядущем переезде, и стали поглядывать на неё искоса.

– Нет, Фира, я, конечно, рад за тебя, – сказал сапожник Кац, – но это как-то не по-соседски. Мы столько лет прожили рядом, что ты могла бы нам и сразу сообщить.

– А вы так нэ волнуйтесь, Лев Исакович, – ядовито встряла Раиса. – Вы тоже скоро съедете куда-нибудь. Це мы тут сто лет проторчим, а евреям всегда счастье.

– Рая, – ответил Лёва Кац, – дай тебе Бог столько еврейского счастья, сколько ты его унесёшь. Нет, я понимаю: чтобы к евреям не было претензий, им нужно было родиться украинцами или русскими. Но, деточка моя, кто-то же в этом мире должен быть и евреем. И, таки поверь мне, уж лучше я, чем ты.

– Хватит вже, Лев Исакович, – перебил его Вася. – Одна дура ляпнула, другой сразу подхватил.

– Надо было, Вася, поменьше языком трепать, – заметила баба Фира. – А то ещё не весь Подол знает про наш ордер.

– Надо було его поменьше водкою поить! – зло сверкнула глазами Раиса. – Вы ж, баба Фира, его спаивалы все врэмья!

– Рая, ты думай, что говоришь!

– Я знаю шо говорю! Ну, ничего, уедете – я за нього возьмусь. Он у мэнэ забудет, як по еврейским квартирам пьянствовать.

Баба Фира смерила Раису сначала гневным, а затем каким-то печальным взглядом, развернулась и зашагала к дому.

– Баба Фира, та нэ слухайтэ вы цю дуру! – крикнул ей вслед Вася.

– Я, Вася, не слушаю, – оглянувшись проронила баба Фира. – В этом мире уже давно никто никого не слушает.

Между соседями окончательно, что называется, пробежала кошка. При встрече они едва здоровались друг с другом, а бабу Фиру и вовсе игнорировали. Даже Кира Цейтлина чувствовала себя обиженной и, к радости Софы, забыла дорогу к Вайнштейнам-Гольцам, питаясь в своём полуподвале бутербродами. Что ж до бабы Фиры, то та теперь почти не выходила во двор, целыми днями возилась с Еничикой, суетилась на кухне или просто лежала на диване у себя в комнате. К радости дочери и зятя она смирилась с переездом и лишь просила, чтобы ей об этом не напоминали, и чтоб в доме было тихо.

– Не расстраивайтесь, мама, – говорил Нёма. – Вы же умная женщина, вы же понимаете: когда всем живётся плохо, мы едины. Когда кому-то становится чуточку лучше, мы начинаем звереть.

Наконец, означенный в ордере день наступил. Накануне Нёма и Софа доупаковывали оставшиеся вещи, чтобы с утра загрузить их в машину, а баба Фира стояла у плиты и готовила огромную кастрюлю жаркого.

– Мама, – слышался из комнаты голос Нёмы, – я не понимаю, зачем вам это надо? Кого вы после всего хотите угощать вашим мясом?

– Моим мясом я таки знаю кого буду скоро угощать, – мрачно отозвалась баба Фира.

– Мама, оставьте уже ваши весёлые шутки!

– А ты, Нёма, оставь меня в покое. Пакуй свои манаткес и не делай мне кирце юрн.

Поздно вечером, когда все соседи уже легли спать, баба Фира вышла во двор и поставила кастрюлю на стол под липой. Ночной ветерок тихо прошеле-стел листьями.

– И тебе всего доброго, – сказала баба Фира. – Ты таки останешься тут, когда все отсюда уже разъедутся.

Она прислонилась к стволу липы, несколько минут постояла молча, вздохнула и направилась домой.

Наутро приехал заказанный фургон, грузчики, привычно поругиваясь, за-толкали в кузов вещи, начиная с Еничкиного пианино и кончая картонными ящи-ками с посудой.

– Ну, присядем на дорожку, – бодро сказал Нёма. – Начинается новая жизнь, прощаемся со старой.

– Тебе, я вижу, очень весело прощаться, – заметила баба Фира.

– А чего грустить, мама? – вмешалась Софа. – Всё хорошо, что кончается.

– Таки я была права, что человеческая глупость – это плохо, – усмехнулась баба Фира. – Потому что она не кончается никогда.

Всё семейство вышло во двор. Баба Фира держала за руку Еню, который, не преставая, бубнил:

– Хочу домой... хочу уехать... хочу кататься на машине...

Посреди двора, на столе, стояла кастрюля с нетронутым жарким.

– Ну, мама, кто был прав? – поинтересовался Нёма.

– Прав был Господь Бог, – ответила баба Фира, – когда на шестой день сотворил человека, на седьмой отдохнул от такого счастья, а на восьмой выгнал этот нахес из рая.

– И в чём же Он был прав?

– В том, что человек и рай не созданы друг для друга. Хотя ты, Нёмочка, таки попадешь туда после смерти.

– Почему?

– Потому что у тебя нет мозгов. Садимся уже в машину.

– А кастрюля?

– Нёма, – вздохнула баба Фира, – ты таки точно попадешь в рай. Какое мне сейчас дело до какой-то кастрюли? Пусть стоит тут, как памятник. Пусть соседи делают с ней, что им нравится. Пусть распилят на части. А ещё лучше пусть поставят её мне на могилу. Если, конечно, кто-нибудь из них когда-нибудь вспомнит, что жила на свете баба Фира и что они когда-то очень любили её жаркое.

8

Не знаю, долго ли прожила ещё баба Фира на Отрадном, бывшем хуторе, являвшем теперь, вопреки собственному названию, довольно безотрадную картину пятиэтажных хрущоб с однообразными прямоугольными дворами. Не знаю, была ли она счастлива, воспитывая внука Еню, и ссорясь с дочерью и зятем Нёмой. Не знаю, на каком кладбище её похоронили и принес ли кто-нибудь на её могилу кастрюлю, в которой она так мастерски готовила своё знаменитое жаркое. Тем более не знаю, попала ли она после смерти в рай или, дождавшись очереди, поселилась в каком-нибудь дворике, вроде столь любимого ею подольского двора, в компании таких же немного сумасшедших соседей. И уж совсем не знаю, были ли в этом загробном дворике удобства или людям снова приходилось справлять свои дела в ведро и выносить их в уборную. Но я знаю – или думаю, что знаю, – одно: мне почему-то кажется, что именно с переездом из старых, лишённых удобств квартир в новые безликие микрорайоны между людьми и даже целыми народами пролегла некая трещина, похожая на незаживающий рубец. Оркестр распался, гармония рассыпалась. Ибо для каждого инструмента стало важно не столько играть свою мелодию, сколько хаять чужую.

Михаил ЮДОВСКИЙ.